

ГЛАВА 1

У свободы был вкус горелого пирожка, запивать который приходилось горьковатым и явно подбродившим компотом. По пальцам стекал жир, грозя добраться до кружевного манжета, и Катарина, оглядевшись и убедившись, что никому-то здесь не интересна, торопливо слизала каплю.

Зажмурилась от удовольствия.

Нет, жир горчил, и жарили на нем явно не первую порцию этих вот пирожков. И оттого горечь его пропитала тесто, а на золотистой корочке то тут, то там появились весьма характерного вида точки. Но само понимание, что она может вот так взять и облизать пальцы...

Душа пела. Сердце колотилось.

И только желудок опасливо заурчал, предупреждая, что привык к совсем иной еде.

— Дорогая, — мьесс Джио к пирожкам отнеслась с некоторой долей предубеждения, а компот, понюхав, и вовсе отставила в сторону. — Не подумай, что я собираюсь критиковать твой выбор, хочу лишь напомнить, что следующая остановка лишь в Бристоне, до которого, если память мне не изменяет, более двадцати миль.

Катарина икнула. Она помнила.

Она прекрасно все помнила и даже осознала, что эти двадцать миль в почтовой карете покажутся ей вечностью и что не стоит усугублять ситуацию, вот так пробуя весьма сомнительного качества пищу, но и отказать себе в этакой малости Катарина не могла. Более того, промывчав в ответ что-то невнятное, она вцепилась в пирожок зубами, и тесто лопнуло, правда, не с той стороны, где ожидалось, и горячее повидло потекло на пальцы, а с них не замедлило плюхнуться на юбку.

Что ж, следовало признать, что и у свободы имелись свои недостатки.

Мьесс Джио молча протянула платок.

— Благодарю, — Катарина позволила себе еще одну вольность, ответив с набитым ртом. Но пятно платком прикрыла. И пирожок доела.

И даже без компота. Пирожок ладно, а вот с компотом и вправду не стоит. Целительские амулеты далеко не со всякой напастью справиться способны.

— Не сожалеешь? — поинтересовалась мьесс Джио, забираясь в карету. Та была огромной снаружи, но притом удивительно тесной и душной изнутри.

Жесткие лавки стояли столь плотно друг к другу, что Катарина невольно касалась других пассажиров не только руками, но и коленями, что, кажется, весьма радовало пухлого господина, устроившегося напротив. Во всяком случае, он поглядывал на Катарину с немалым интересом и время от времени даже подкручивал кончики великолепных усов.

Или вот доставал часы. Откидывал крышку.

Глядел задумчиво, не столько интересуясь временем, сколько используя возможность продемонстрировать собственное состояние. Часы были позолоченными, а цепочка, может стать, даже золотой. И сей факт весьма заинтересовал соседку Катарини, женщину дебеливатую, степенную, обожающую рюшечки и трех дочерей, имена, да и подробности жизни которых скоро узнали все независимо от своего желания. Больше всего доставалось господину, но он не злился, а, напротив, явно чувствовал себя польщенным.

Интересно. И странно.

Странна теснота. Запахи, которых становится все больше. Многие неприятны, но Катарина согласна терпеть. И даже не тянется за платком, что пропитан розовой эссенцией. Она разглядывает этих людей, столь необычных и непривычных, что даже страшно.

Как она будет среди них? Вот так просто... взять и жить? Она уже забыла, что так можно.

— А вы, стало быть, вдова? — женщина переключила внимание на Катарину. — И давно?

— Давно, — сердце екнуло. А вдруг...

И тут же Катарина одернула себя. Это просто разговор. Обыкновенный. Не стоит искать в нем скрытых смыслов.

— Шесть лет.

— Сочувствую, — без толики сочувствия сказала женщина. — Сколько вам лет?

— Двадцать семь, — и здесь Катарина не лгала. Какой смысл?

Женщина пожевала губами, будто решая, стоит ли тратить на Катарину собственное время и драгоценное мнение, но все-таки снизошла:

— И стало быть, сирота?

— Почти. Тетушка... вот... имеется.

Упомянутая тетушка приподняла кружевной платок и кивнула, обозначая, что она и вправду имеется.

— Печально, печально... у меня есть одна знакомая, — женщина наклонилась, почти легла на колени пухлого господина, чье лицо вытянулось то ли от удивления, то ли от возмущения. То ли просто от страха не совладать с внушительными достоинствами случайной знакомой.

Этак ведь и раздавить человека можно.

— У нее весьма обширные знакомства, если вы понимаете... — громким шепотом произнесла женщина.

Катарина не понимала, но кивнула.

— И она весьма охотно способствует устройству личного счастья...

Господин крикнул, а Катарина с трудом удержалась, чтобы не сказать, что ее счастье однажды уже устроили. Хватит.

— И если пожелаете...

На нее уставились, ожидая ответа. Фыркнула мьесс Джио, а Катарина, потупившись, пролепетала:

— Понимаете... я... я так любила мужа... я до сих пор забыть его не могу. — И подхватила слезинку.

— Ну и дура, — спокойно ответила женщина, возвращаясь на место.

Как есть. Полная.

Кто еще добровольно променяет великолепный дворец на захолустный городишко? Откажется от титула и состояния, что стоит за этим титулом? Власти? Привилегий?

Ночных кошмаров. Страх, что однажды она, Катарина, станет слишком заметной фигурой, и тогда... дворцовые лестницы круты, а коридоры темны. И слабой ли женщине справиться с тварями, что в них обретаются?

Нет, нет...

Она отвернулась к окошку, крохотному и мутному, будто сделанному специально для того, чтобы подразнить. За ним проплывали поля и какие-то домишки. Колеса грохотали. Карета тряслась. И хотелось закрыть глаза и уснуть. Усталость навалилась сразу и вдруг. И руки задрожали, накатил привычный ужас, лишая самой способности двигаться, оставив одно желание — сползти на грязный пол и забиться под лавку. Но теплое прикосновение мьесс Джио вернуло способность дышать.

И считать.

Один — аметист. Хороший камень для целительских амулетов, но не терпит серебра, начинает болеть и мутнеет. А вот на платине, напротив, раскрывается.

Аместистами были украшены браслеты, которые надевали королеве на руки. И на ноги. До того, как эти руки и ноги украсились иными узорами. Браслеты древние, тяжелые и больше всего напоминают кандалы. И Катарина знает, что эти браслеты вполне могут смениться настоящими кандалами.

Если она даст повод.

— Закрой глаза, дорогая, — мьесс Джио умеет говорить так, что призраки отступают. — Поспи, нам далеко еще... хорошо, если дотемна доберемся.

— А куда вы направляетесь? — Этот голос прозвучал откуда-то издалека.

Катарина заставила себя слушать не людей, а карету. Скрип дерева. И стон металла, который тоже умеет уставать. Скрежет. Постукивание.

Слабый треск дорожного амулета, призванного облегчить вес этого чудовища на колесах. Но амулет устарел, да и не заряжали его давненько, вот и работал он едва ли в треть силы.

Ничего. Доберутся. А что к ночи, так оно и лучше... она все-таки заснула и оказалась в своих покоях. Огромное пространство, кровать под тяжелым балдахином. Шерстяные тюфяки придворных дам, которым выпала высокая честь дежурить этой ночью. Севилла сидит в одной ночной рубашке, слишком откровенной, чтобы это было прилично. Но она плевать хотела на приличия. Она ждет. Слегка подогнула одну ногу, вытянула другую. Волна светлых волос разметалась по обнаженным плечам. На фарфоровом личике застыло выражение счастья. Она надеется, что ее заметят.

И Катарина тоже надеется. Она готова принять новую фаворитку и уступить ей нынешнюю ночь, как и все последующие. Правда, Севилла не ограничится статусом фаворитки, она, как и многие, мечтает стать королевой. Девятой. Это ведь несложно.

Его шаги слышит не только Катарина. Тяжелые. Медленные. Ворчание.

И ругань. И стало быть, нога болит сильнее обычного. И может быть, настолько, чтобы... но нет, он останавливается перед дверью. И Катарина делает вдох. Она сползает с кровати, готовая приветствовать супруга и повелителя.

— Приехали, — болезненный тычок разрушил полотно сна. — Деточка моя, тебе все же стоит принимать успокоительное.

— Я принимаю.

— Не то, — мьесс Джио признавала лишь одно успокоительное, односолодовое и пятнадцатилетней выдержки, и предпочитала держать его при себе, утверждая, что в ее возрасте нервы стоит беречь. — Поверь, ты принимаешь совсем не то.

Подхватив юбки, она отмахнулась от пухлого господина, решившего быть любезным, и спрыгнула на землю. Потянулась, взмахнула руками.

— Боги, ну и дыра, — мьесс Джио всегда отличала некоторая прямолинейность. — Еще немного — и я поверю, что побывала в заднице мира.

На станции было пусто. Темно.

Единственный фонарь скорее привлекал мошкарю, нежели разгонял темноту. В мутное стекло его стучались ночные бабочки, и влажный этот звук показался Катарине до невозможности мерзким.

— Нам стоит найти экипаж, — Катарина поежилась.

Ее слегка знобило — то ли от нервов, то ли от холода. Она поправила перчатки, зачем-то разглядила юбку, на которой позорным клеймом выделялось пятно от повидла. Приподнялась на цыпочки, сиюсь разглядеть хоть что-то.

Темнога. Тишина.

И даже лошади вздыхают бесшумно, не смея нарушать ночной покой города. А ведь и вправду, что делать? Будь Катарина одна, она бы и пешком отправилась, зная бы еще куда, но ведь есть багаж, который сгрузили прямо на землю. И теперь гора чемоданов намекала, что без помощи им не обойтись. А ведь брала самое, как казалось, необходимое.

У мьесс Джио были собственные представления о необходимом, оттого, верно, и набралось его с полдюжины чемоданов, а к ним пара бочонков и два сундука, перетянутых цепями. Вспомнилось вдруг, что при дворе ходил упорный слух, будто в сундуках этих мьесс Джио хранит головы недостаточно старательных любовников.

— Эй, милейший, денег хочешь? — поинтересовалась мьесс Джио в темноту.

И как ни странно, та ответила сильным голосом:

— Кто ж не хочет?

— Тогда найди дамам экипаж. И помоги... со всем этим. К слову, душечка, разве нас не должны были встречать?

— Должны, — вынуждена была признать Катарина.

Она сама отправляла вестника. И выходит... выходит, он потерялся? Невозможно. Или тогда ее неправильно поняли? Тоже сомнительно. Вряд ли в этом городе есть еще одна станция. А Бристон — ближайший к поместью город.

Тогда...

— Не переживай, лапочка, — мьесс Джио весьма споро столковалась о чем-то с господином столь пугающей внешности, что вряд

ли Катарина вовсе решила бы подойти к нему. — Вот доедем, там и выясним, кому выписать плетей.

Ехать пришлось на телеге.

На огромной такой телеге, дно которой устилало сено. На сено бросили дерюжку, а уж на нее с извинениями и немалым, а главное, весьма искренним пиететом усадили Катарину. Тот тип просто-напросто поднял ее, будто в Катарине вовсе не было веса, и сунул в солому, сказав:

— Звиняйте, госпожа... вот шкуру еще суньте, помягше будет.

Шкура оказалась медвежьей, но пахло от нее травами.

На телегу загрузили чемоданы и бочонки, и даже сундукам нашлось место. Мьесс Джио устроилась подле возницы, и это отчего-то не удивляло.

— А расскажите, милейший, что у вас тут за место такое...

Телега шла медленно, но мягко, куда мягче кареты. Покачивались борта, скрипели колеса, от соломы пахло чем-то непривычным, но приятным.

— ...Даже так... удивительно, а вот...

Мимо проползали улицы. Редкие фонари. Темные дома, казавшиеся одинаково недружелюбными. Изредка раздавался лай собак, который, впрочем, стихал.

— ...И даже так?

Она умела говорить с людьми, неважно, с мужчинами или женщинами, с теми, кто стоял подле золотого трона, искренне недоумевая, что делает здесь же Джио, и с другими, которых было гораздо больше. Первые ее опасались, не понимая природы ее власти, как не понимала и сама Катарина, просто принимая как должное, что Джио может если не все, то многое. Вторые, пожалуй, почитали Джио если не своей, то всяко близкой по духу.

Разговор вился. И длился.

И город проплывал рядом, такой вдруг большой, хотя куда меньше Лондиниума. И пахло здесь лучше. И скрип колес убаюкивал, а шкура была тепла.

— Вы б тоже до сена полезли, госпожа, а то ж ехать нам еще и ехать...

— Долго?

— Дык... сперва до Бузинной улицы, там поворот от Кожевеного. И еще один опосля ратуши, а потом уж напрямки через холмы.

Описание не вдохновляло. А если бы мьесс Джио не нашла этого увальня? Катарина запоздало расстроилась. Подобное небрежение говорило об одном: за хозяйку ее не считали.

— Не расстраивайся, лапонька, — мисс Джио ловко перебралась на сено. — Подвинься-ка... следовало ожидать подобного.

— Почему?

Беззвучно раскрылся защитный полог, от которого привычно закололо в висках. И Катарина поморщилась. Ладно там, в прошлой ее жизни, он и вправду был нужен. Но здесь-то кого бояться? Агрессивных сверчков? Или того кота, который громко жаловался на несложившуюся личную жизнь?

— Потерпи, — мягко произнесла мьесс Джою. — Одно дело, если за всем этим и вправду стоит обыкновенная человеческая глупость, и совсем другое, если...

Она не стала договаривать, как делала порой, когда хотела, чтобы собеседник сам включил голову. И Катарина кивнула.

Есть шанс? Еще какой.

Пока она жива, она мешает.

Отцу, который рассчитывал, что Катарина исполнит свой долг перед семьей, о чем не уставал напоминать при каждой встрече, будто это была ее вина в том, что никак не удавалось забеременеть. А потом, позже, он так же тихо радовался и нашептывал, что с Джоном стоит сблизиться, что поглядывает он на Катарину вовсе не так, как следует смотреть на мачеху, что если она воспользуется ситуацией... Она не воспользовалась. Дура.

Врагам отца, не слишком довольным, что и после смерти короля род Годдардов не просто сохранил, но и упрочил свое положение.

Людям посторонним, с Катариной вовсе не знакомым, но полагающим, что время ее истекло, а уходя, возвращаться не стоит. Тем паче когда вот-вот объявят о помолвке Джона с... с кем-нибудь да объявят, он пока и сам не знает, кого выбрать.

Самому Джою.

И хочется верить, что уж он-то был искренен, но... он, что бы там ни говорили, сын своего отца, а стало быть, злопамятен, обидчив и умеет ждать. А ситуация весьма удобна.

Нет.

Это страх. Джон не такой. Джон уговаривал ее остаться. Не как любовницу — они оба отлично понимали, насколько опасна подобная связь. Ему нужен был друг. И помощник. Просто кто-то, с кем можно поговорить.

Хотя бы о Генрихе. Или о Королевской башне. О том, каково это, просыпаясь, видеть темную стену и эшафот, который не разбирали, ибо слишком уж хлопотное это дело. Умываться ледяной водой. Завтракать, гадая, придет ли после завтрака жрец или обойдется?

Искать тепла в комнатах, пусть роскошных по сравнению с камерами и подземельями, но все же...

Джон знал, благодаря кому он выжил той ночью, когда мятеж почти случился. А Катарина догадывалась, куда подевался тот ро-

ковой приказ, который почти успел. И может, реши она остаться, однажды Джон рассказал бы... или она? Или оба, перебивая друг друга, избавляясь наконец от страха, который и в нем был, сидел занозой.

Но нет. Им бы не позволили и этой дружбы, как не позволили бы ничего напоминающего привязанность.

А потому Джон понял. И принял.

И не стал бы пользоваться случаем. Кто, кроме него, знает о том, куда направилась Катарина? Сиддарт? Старый приятель Джона. Верный друг. Тот, кто тихо ненавидит Катарину, хотя она точно не виновата в смерти его отца.

Приговоры выносил Генрих.

А Катарина... королева обязана присутствовать что на суде, что на казни. И понимает ли он? Понимает. Поэтому и держит свою ненависть при себе, позволяя лишь едкие шпильки, и то будто бы ненароком. Но стал бы он сдерживаться теперь? Или воспользовался бы случаем?

Еще был Грейсон, который как раз и нашел усадьбу. И хозяйку ее, что отправилась в монастырь, ибо таково было ее желание. Так он сказал. Но Грейсону верить не стоит. Всегда был пронырой. И пусть клятву дал, но Катарина знает, что любую клятву при желании можно обойти.

И страшно. Опять.

— Не гадай, — строго велела мьесс Джио, — лучше и вправду отдохни.

— Что-то не спится. Луна яркая. Ты когда-нибудь видела настолько яркую луну?

Она была кругла и желта, что головка сливочного сыра. Она нависала над городом, грозясь раздавить и ратушу, и дома вокруг нее. Луна отражалась в узкой речушке, через которую повозка перевалила не сразу, даже подумалось, что все-таки не одолеет она этот горбатый мост. Но нет, лошадь справилась, а возница затянул песню на непонятном языке.

— Надо же, — мьесс выгащила серебряную флягу и потрясла. — Вьесс. Здесь. То-то он такой здоровый... полукровка, похоже. Будешь?

— Нет.

Ей нельзя пить.

Запретили целители еще тогда, когда пытались наполнить ее тело силой, когда выжигали на руках руны, превращая Катарину в сосуд. Впрочем, даже они знали, что ничего не выйдет.

Для зачатия нужны двое. Но кто бы признал, что дело не в ней, что...

Она прикусила губу. Прошлое ушло, а руны остались, и острое неприятие алкоголя. Она пробовала напиться, уже там, в Королевской башне, решив, что терять нечего. И в итоге всю ночь маялась животом.

Мьесс Джио покачала головой.

Свести бы их. И когда-то Катарина рискнула спросить. Просто спросить. У того, кого полагала достаточно надежным человеком. И ответ получила, да... а еще гнев отца, которому тотчас донесли.

— Все закончилось, девонька, — Джио редко называла Катарину по имени, и порой в этом чудилась издевка, словно напоминание, что она, Катарина, слишком ничтожна, чтобы запоминать ее имя. — Одно закончилось, другое начинается.

ГЛАВА 2

Дом выглядел брошенным.

Он, отделенный от дороги витою оградой, пики которой серебрились в лунном свете, прятался в дебрях парка. Разросшиеся кусты подобрались вплотную к дороге, просунули сквозь прутья колючие лапы. Накренилось, грозя обрушиться, дерево, и уродливые ветви его вывернулись, наклонились, точно оно все еще пыталось устоять, опираясь ими на ненадежную землю.

Ржавые ворота. И пустая дорога. Слабый огонек у темной громадины здания, выглядевшего брошенным и оттого еще более уродливым. Разбитые ступени, мраморные сфинксы и колонны, облюбованные плеснем. Здесь пахло сырой землей, камнем и еще чем-то на редкость неприятным.

Катарина моргнула. И приняла руку, которую ей подал молчаливый гигант. И лишь оказавшись у земли, тихо поинтересовалась:

— Как вас зовут?

— Грай, госпожа, — гигант склонил голову, сделавшись вдруг похожим на королевского палача. Тот тоже отличался немальными размерами, а еще был застенчив и явно чувствовал себя виноватым.

Но странное дело, палач Катарина не боялась. Он обещал, что мучить не станет. И что помолится.

А она подарила ему кольцо с аметистом — для его беременной жены... и еще другое, платой за услугу, воспользоваться которой так и не рискнула.

Следовало бы забрать тот флакон. Но вот беда, в суматохе Катарина просто-напросто забыла.

— Спасибо, Грай, — она улыбнулась.

Королева должна уметь улыбаться, даже когда хочется завопить от боли и страха. Или просто попроситься обратно в телегу. Там сено теплое.

— Так это...

— Идем, — мьесс Джио решительно зашагала по ступеням, и мрамор похрустывал под квадратными ее каблуками. — Эй, есть тут кто-нибудь?

Дверной молоток тюкнулся в пластину, и та издала жалкий звук, то ли вой, то ли скрежет. Артефакт был испорчен, и давно.

— Есть тут...

На кончиках пальцев Джио заплясали искры, и Грай размашисто перекрестился. Значит, из этих, полагающих, что Бог един и всемогущ? Странно. Катарине казалось, что они не принимают нелюдей, а вот поди ж ты...

— Эй, открывайте, пока...

— погоди, — Катарина коснулась двери и, закрыв глаза, сосредоточилась. Как она и ожидала, запирающие плетения оказались слабыми. Они и существовали лишь за счет остаточного фона, тянули силу из окружающего мира, благо дом, как и многие старые особняки, был построен на перекрестье энергетических линий. Но все одно этого оказалось недостаточно.

Стоило потянуть на себя, и сеть рассыпалась.

А Грай, кажется, вновь перекрестился.

Дверь открылась с протяжным скрипом. Темно. И неприятный запах усилился. Боги, сколько же здесь не проветривали? Ощущение, что с тех самых времен, как дом и отошел короне.

Джио подвинула Катарину и втянула гнилостный воздух:

— Проклятие!

— Живых — трое. — Сила отзывалась легко, и проклятые руны не мешали, разве что руки и плечи привычно зачесались, но это Катарина как-нибудь потерпит. — Не здесь... там.

— Кто тут?.. — сильный голос разорвал темноту. — Сейчас полицию вызову...

— А и вызывай! — Джио явно обрадовалась.

Но искры погасли. И значит, он тоже видит эту троицу. Не маги, что, правда, ничего не значит, ибо существуют специальные амулеты, скрывающие ауру. Да и обыкновенных людей не стоит недооценивать. Но навстречу вышла старуха в дрянном бумазейном платье. В руке она держала фонарь, отсветы которого ложились на изрезанное морщинами лицо, добавляя ему и лет, и уродства. Катарина отметила и строгий чепец, и сероватый фартук со многими карманами, и кожаные нарукавники, протянувшиеся до

самых плеч. Из-за них руки старухи казались несуразно пухлыми, тогда как сама она была тоща.

— Кто вы такие? — поинтересовалась она.

— Госпожа Катарина Говард, — мьесс Джио поморщилась и помахала перед носом платком, который вряд ли способен был справиться с вонью. — Хозяйка этих развалин.

Старуха фыркнула, но как-то неуверенно.

— Как вышло, что нас не встретили?

В доме что-то закрипело, заскрежетало, будто он пытался про-снуться, но не находил в себе сил. И потому вздыхал всем своим тяжелым телом.

— Почему никого не было на станции?

— Сплит, — старуха опустила фонарь, и желтые пятна света легли на пол. — Небось опять в кабак заглянул, засранец этакий. Уволю, как пить дать уволю...

Впрочем, сказано это было без особой надежды, точно старуха знала, что при всем ее желании уволить негодяя не выйдет.

— Уволим, — а вот мьесс Джио была настроена куда более решительно. — Завтра. Как явится... дорогой Грай, не соизволите ли вы заняться багажом? Перенесите пока сюда, а уж завтра... мы решим, что и как.

Завтра.

Катарина обняла себя, силясь успокоить дрожь. Неужели по-лучилось? И у нее будет это самое завтра? Не в золотой клетке дворца, а в собственном доме, где она хозяйка, а не очередная пешка в большой политической игре?

— А вы, любезнейшая, надеюсь, комнаты приготовили? Хотя бы комнаты...

Приготовили.

Правда, камин разжечь никто не удосужился, а старые арте-факты, защищавшие дом от сырости, давно иссякли. И теперь в спальне было откровенно холодно. За окном подвывал ветер. Темные ветви деревьев почти касались стекла, и Катарине каза-лось, что там, в ветвях, кто-то прячется.

Казалось.

Это просто дом. И ничего больше. Хмурая девица, явно не-довольная появлением хозяев, разобрала постель. Слегка смяла подушку, сделав вид, что взбивает ее. Губы девицы шевелились, и у Катаринины сложилось впечатление, что она ругает.

Катарину? Неужемную мьесс Джио, потребовавшую немедля раз-вести огонь в камине? Или сам этот камин, чищенный, кажется, в прошлом веке? Отсутствующие грелки, трубы заросли сажей,